

На правах рукописи

Аванская Виктория Артуровна

**Эмоциональный аспект политики США в отношении СССР
(середина 1950-х– середина 1960-х гг.)**

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук по специальности 5.6.7 «История
международных отношений и внешней политики»

Москва – 2026

Работа выполнена на кафедре американских исследований федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» (ФГАОУ ВО «РГГУ»).

Научный руководитель: **Журавлева Виктория Ивановна**
доктор исторических наук, профессор

Официальные оппоненты: **Печатнов Владимир Олегович**
доктор исторических наук, профессор, Почётный профессор МГИМО, ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации», кафедра истории и политики стран Европы и Америки МГИМО МИД России, профессор
Цветкова Наталья Александровна
доктор исторических наук, профессор, ФГБУН «Институт США и Канады имени академика Г.А. Арбатова Российской академии наук» (ИСКРАН), и. о. директора

Ведущая организация: ФГБНУ «Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова Российской академии наук» (ИМЭМО РАН)

Защита состоится 4 декабря 2026 г. в 14:00 на заседании диссертационного совета 24.2.366.01 по историческим наукам, созданного на базе федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет». Адрес: Миусская пл., д. 6, стр. 6, Москва, 125047.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке и на сайте федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный гуманитарный университет» по адресу: <https://www.rsuh.ru/dissovet/d-212-198-03/soiskateli/avanskaya-viktoriya-arturovna.php>

Автореферат разослан « » _____ 2026 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Барышева Елена Владимировна

Актуальность исследования

Актуальность избранной проблематики обусловлена наследием холодной войны в современных российско-американских отношениях, сохранением в XXI в. «клуба ядерных держав» и глобальной ядерной угрозы, ролью эмоций, ценностей и идентичностей в понимании и воображении причин текущего международного кризиса, а также влиянием гражданской дипломатии на взаимовосприятие русских и американцев.

Степень изученности темы

Избранный ракурс диссертационного исследования предполагал обращение к нескольким взаимосвязанным историографическим направлениям: истории и имагологии советско-американских отношений в годы холодной войны, истории Берлинского и Карибского кризисов, истории и культуре Атомного века. Учитывая колоссальный объем историографии холодной войны, автор диссертационного исследования отбирал, прежде всего, те исследования, которые были непосредственно связаны с избранной темой.

В *первую группу* вошли работы по истории советско-американских отношений в эпоху биполярного противостояния. В отечественной историографии основное внимание уделялось его дипломатическим, идеологическим и военно-стратегическим аспектам и делался акцент на идеологии конфронтации, гонке ядерных вооружений, механизмах сдерживания и пределах противостояния (В.И. Батюк, В.А. Кременюк, В.Л. Мальков).

Российские историки также уделяли внимание транснациональному измерению ранней холодной войны (Н.И. Егорова), культурно-гуманитарной сфере, включая научные, образовательные и культурные обмены (Н.А. Цветкова, Э.А. Иванян), логике принятия внешнеполитических решений в СССР с учетом противоречий внутри элит, стратегических амбиций, страхов и политических просчётов (В.М. Зубок, О.В. Павленко). Проблема происхождения холодной войны и формирования образа противника получила развитие в многочисленных публикациях В.О. Печатнова. На основе архивных документов он проследил переход от союзничества военных лет к взаимному недоверию СССР и США, показав связь между дипломатическими решениями, идеологическими установками и исторической памятью.

В зарубежной историографии холодная война рассматривалась как военно-дипломатическое противостояние и как пространство культурных контактов и транснациональных обменов. В то время как в своих классических работах Дж.Л. Гэддис объяснял начало конфронтации решениями И.В. Сталина и эволюцией советской системы и М. Леффлер обращал особое внимание на пределы разрядки, связывая их не только с конфликтом интересов, но и со страхами лидеров, внутривластным давлением, памятью о прошлом и ожиданиями союзников.

Знакомство с работами, вошедшими в первую историографическую группу, позволили автору рассматривать государственную политику, общественные инициативы и культурную дипломатию как взаимосвязанные уровни холодной войны.

Вторая историографическая группа объединила работы по культурной холодной войне и империологии советско-американских отношений. В российской науке данное направление получило наиболее последовательное развитие в трудах В.И. Журавлёвой, которая продемонстрировала, что Россия и США выступали друг для друга значимыми Другими, а представления о противоположной стороне формировались не только под влиянием военно-политических конфликтов, но и процессов национального строительства, ценностей и идентичностей. В.О. Рукавишников рассматривал общественное мнение как самостоятельный фактор международных отношений, а О.В. Рябов, В.И. Журавлева, А.И. Кубышкин, Н.Ю. Спутницкая, О.С. Давыдова, К.А. Юдин сделали объектом анализа советскую и американскую массовую культуру и символическую политику, способы конструирования образов врага и процессы его дегуманизации и регуманизации.

В зарубежной историографии историки реконструировали длительную традицию американского восприятия России как страны, нуждающейся в политическом и культурном «освобождении», связывая антикоммунизм с более ранними представлениями о либерально-универсалистской миссии США (Д. Фоглесонг), изучали процесс взаимовосприятия на пересечении истории идей, пропаганды, медиа и культурной дипломатии (Д. Файнберг, Ф.С. Сондерс, Р. Магнусдоттир), обращали особое внимание на психологические и культурные основания внешней политики США (У.Л. Хиксон).

В совокупности эти публикации способствовали пониманию причин и механизмов формирования эмоциональных репрезентаций американцев, которые становились реакцией на внутрисполитические и международные вызовы.

В *третью историографическую группу* вошли работы по истории Берлинского и Карибского кризисов. В отечественной историографии различные аспекты германского вопроса, проблемы европейской безопасности и отношений СССР и ГДР представлены в монографиях и статьях А.М. Филитова, В.М. Зубока и З.К. Водопьяновой. При изучении Карибского кризиса отечественные исследователи уделяли повышенное внимание противоречивым интересам СССР, США и Кубы, опасности неконтролируемой эскалации, значению закрытых каналов коммуникации и связи между защитой Кубы, стремлением изменить стратегический баланс и советской уязвимостью перед американскими ракетами средней дальности (С.А. Микоян, А.А. Фурсенко и Т. Нафтали).

В зарубежной историографии Берлинский и Карибский кризисы рассматривались сквозь призму отношений Дж. Кеннеди и Н.С. Хрущёва, их публичных действий и персональных эмоций (М.Р. Бешлосс, Дж.К. Аусланд), решения администрации Дж. Кеннеди характеризовались как результат взаимодействия военных, дипломатов, разведки и политических советников (С. Докрилл), а принятие решения о строительстве Берлинской стены объяснялось в том числе и влиянием руководства ГДР (Х. Харрисон). Опираясь на метод «критической устной истории», исследователи проводили сравнительный анализ американских, советских и кубинских интерпретаций Карибского кризиса (Дж. Блайт, Д. Уэлч и Б. Аллин), а также изучали реакции американского общества (А.Л. Джордж).

Четвёртая группа объединила публикации по истории и культуре Атомного века. В российской историографии «ядерная проблематика» долгое время изучалась преимущественно сквозь призму гонки вооружений, стратегическое сдерживание и историю национальных атомных проектов (Н.И. Егорова, А.В. Фененко, А.Г. Арбатов).

В англоязычной историографии Атомный век рассматривался как период трансформации массовой культуры, повседневности и эмоционального опыта. Ученых интересовало то, как после бомбардировок

Хиросимы и Нагасаки атомная бомба вошла в американскую интеллектуальную и массовую культуру (П. Бойер), как, благодаря участникам антиядерного движения, дискуссиям о бомбоубежищах и тиражированию общественных страхов, холодная война проникала в домашнее пространство, оказывала влияние на семейные обязанности и гендерные роли, а готовность к атомной войне становилась элементом ответственного родительства и ведения домашнего хозяйства, превращая мать и хозяйку дома в ключевую фигуру гражданской обороны (К.Д. Роуз, С.Р. Уирт).

Таким образом, в существующей историографии уделялось повышенное внимание изучению дипломатических кризисов, политике сверхдержав, ядерному сдерживанию, культурной конкуренции и медийному конструированию образа врага. Однако роль эмоций как самостоятельного фактора советско-американских отношений, значение повседневных эмоциональных реакций американцев в процессе формирования национальной и наднациональной идентичности посредством концептуализации образа советского Другого и его трансформации до сих пор не стали объектом специального изучения. Эту историографическую лакуну призвано заполнить данное диссертационное исследование, что определило его научную новизну.

Объект исследования – политика США в отношении СССР в середине 1950-х – середине 1960-х гг.

Предмет исследования – роль эмоциональных репрезентаций в конструировании образа советского Другого в Соединенных Штатах в условиях биполярного противостояния.

Цель исследования – выявить механизмы и определить степень влияния эмоций на отношения США с СССР с учетом взаимосвязи между внутренней и внешней политикой, а также влияния социокультурных практик, получивших распространение в американском обществе.

Для реализации поставленной цели было необходимо решить следующие **исследовательские задачи**:

- охарактеризовать эволюцию образа СССР в США от «холодной оттепели» 1950-х гг. к Карибскому кризису в условиях менявшейся повестки национального и международного развития;

- рассмотреть процесс формирования американской идентичности под влиянием «кухонных дебатов», визита Н.С. Хрущева в США и распространения ядерных страхов;
- представить комплексную характеристику эмоциональной реакции американцев на международные кризисы начала 1960-х гг. и её роли в конструировании наднациональной идентичности «граждан мира».

Хронологические рамки исследования включают в себя период от начала «холодной оттепели» в советско-американских отношениях второй половины 1950-х гг. до Карибского кризиса 1962 г. и его последствий.

Источниковая база диссертации

Источниковая база диссертационного формировалась таким образом, чтобы позволить рассмотреть эмоциональные репрезентации холодной войны в США одновременно на уровне власти, прессы, общественных движений и частной жизни.

Приоритетное значение для решения исследовательских задач имели неопубликованные письма американских граждан Н.С. Хрущёву, сохранившиеся в Государственном архиве Российской Федерации, впервые вводимые в научный оборот и относящиеся к *источникам личного происхождения* (ГА РФ. Ф. Р5446, Оп. 93, 95-97). Эти документы позволили изучить непосредственные эмоциональные реакции американцев на международные кризисы, включая страх, гнев, чувство вины, надежду на мир, благодарность и стремление воздействовать на решения лидеров сверхдержав.

К опубликованным источникам личного происхождения относились письма американцев президенту Дж. Кеннеди, обращения в редакции газет и журналов, мемуары, автобиографические тексты и интервью политиков, журналистов, общественных деятелей (автобиография и интервью Н. Казинса, мемуары Р.Ф. Кеннеди, опубликованная переписка Дж.Ф. Кеннеди и т.д.).

Среди *источников официального происхождения* следует выделить международно-правовые акты, документы органов исполнительной власти США, в том числе по вопросам гражданской обороны, выступления Дж.

Кеннеди, дипломатическую переписку, которые позволили реконструировать официальный язык ядерной угрозы и безопасности, свободы и ответственности.

Значительная группа источников представлена *публицистикой и трудами современников* (манифесты и научно-популярные тексты журналистов, учёных, писателей и общественных активистов). Эти источники использовались для анализа механизмов трансляции эмоций и мобилизации общественного мнения (книги и статьи Н. Казинса, «Манифест Рассела–Эйнштейна»).

Важное место в источниковой базе диссертационного исследования занимает *американская периодическая печать*. С целью выявления репертуара смыслов эмоционального дискурса автором были проанализированы публикации в “New York Times”, “Washington Post”, “Baltimore Sun”, “Boston Tribune”, “Decatur Daily Democrat”, “Pittsburgh Sun-Telegram”, “Rocky Mountain News”, “Sports Illustrated”, “U.S. News & World Report”. Особое внимание уделялось материалам иллюстрированных журналов “Life” и “Time”, входивших в медийную империю Г. Люса, одного из идеологов «Американского века», и “Saturday Review”, издававшегося под редакцией Н. Казинса и нацеленного на борьбу с гонкой ядерных вооружений.

Отдельную группу сформировали *визуальные и аудиовизуальные источники*: телевизионная политическая реклама, информационно-просветительские фильмы, записи президентских обращений и пресс-конференций, фотоматериалы периодической печати. Они позволили исследовать эмоциональное оформление политических сообщений — образы советского лидера, американской семьи и ее домашнего пространства, личных и общественных бомбоубежищ.

Наконец, привлекались данные *социологических опросов* службы Дж. Гэллапа, опубликованные в трёхтомном собрании за 1935–1971 гг. и помогавшие соотнести индивидуальные высказывания из частной переписки с распространенными в обществе настроениями, оценить отношение

американцев к угрозе ядерной войны, гражданской обороне, международным кризисам и внешней политике США в целом.

Теоретико-методологическая база диссертации

Диссертационное исследование носило междисциплинарный характер и находилось на пересечении истории, исторической антропологии, культурологии, социологии, психологии и исследований международных отношений. Его теоретико-методологическую основу составили общенаучные и специальные исторические методы (историко-генетический, историко-системный, историко-типологический), конструктивистский подход (теория эмоций и акторно-сетевая теория) и дискурс-анализ. Такая теоретико-методологическая рамка позволила рассмотреть советско-американские отношения не только как последовательность дипломатических и военно-политических событий, но и как пространство формирования эмоций, ценностей, идентичностей и образов Другого.

В то время как исторические методы легли в основу характеристики советско-американских отношений в их логике и динамике, а международных кризисов в их политическом, социальном и культурном контекстах, конструктивистский подход использовался для анализа эмоций как социально и культурно обусловленных конструктов посредством их эмоциональных репрезентаций. Теория эмоций дала автору диссертации возможность изучать не только индивидуальные переживания, но и коллективные эмоции отдельных сообществ, объединённых как общими интересами или социальным положением, так и разделяемыми эмоциями, ценностями и взаимным признанием их значимости (В.И. Журавлёва, Э. Хатчисон, Р. Блэйкер, С. Кошут, Дж. Мерсер). В свою очередь, *акторно-сетевая теория* (Б. Латур) была важна для того, чтобы представить антиядерное движение как сеть журналистов, учёных, врачей, политиков, активистов, редакций журналов, научных центров, общественных организаций и государственных учреждений посредством которой распространялись знания о радиации, мобилизовались страхи, формировались новые эмоциональные сообщества и эмоциональные репрезентации (протесты, обращения к властям, газетные кампании и письма американским и советским лидерам). Для реконструкции эмоциональных репрезентаций использовался *дискурс-анализ*, позволивший выделить и

сопоставить официальные, медийные, научные, антиядерные и частные эпистолярные дискурсы о СССР, Кубе, ядерных испытаниях, гражданской обороне и международной безопасности (М. Фуко).

Таким образом, сочетание исторических методов и конструктивистских теории обеспечило решение исследовательских задач и обоснование авторской объяснительной схемы.

Научная новизна диссертации:

1. использование сетевого анализа позволило охарактеризовать «эмоциональную инфраструктуру» американского общества в 1950-е – 1960-е гг. в условиях бурного развития радиовещания, телевидения и практики социологических опросов;

2. привлечение конструктивистского подхода способствовало уточнению представлений о концепции «американского образа жизни» как важнейшего элемента национальной идентичности и предмета экспорта в СССР;

3. введение в научный оборот неопубликованных писем американцев Н.С. Хрущёву после «кухонных дебатов» и его визита в США в 1959 г. сформировало документальную основу для понимания процессов включения СССР в американские культурные практики и дальнейшей трансформации образа советского Другого;

4. сравнительный анализ писем американских граждан, поступавших на имя Н.С. Хрущёва, Дж. Кеннеди, а также в редакции ведущих газет и журналов США наглядно продемонстрировал возможность превращения эмоций в политические действия и их изучения в рамках исторического исследования;

5. включение в теоретико-методологическую базу диссертации теории эмоций расширило понимание роли ядерных страхов в конструировании наднациональной идентичности в рамках советско-американских отношений;

6. изучение эмоциональных реакций американского общества на возобновление советских ядерных испытаний в 1961 г. уточнило представления о предпосылках и последствиях Карибского кризиса.

Положения, выносимые на защиту:

во-первых, «эмоциональная инфраструктура», сложившаяся в американском обществе к 1950-м гг. благодаря развитию радиовещания и

телевидения, а также регулярным социологическим опросам, способствовала одновременно распространению ядерных страхов и формированию антиядерной оппозиции;

во-вторых, под влиянием «эффекта Спутника», ядерных страхов и антиядерной оппозиции в США активизировались процессы конструирования национальной идентичности, основанной на представлении об «американском образе жизни»;

в-третьих, «кухонные дебаты» и визит Н.С. Хрущева в США привели к усложнению образа Советского Союза в период «холодной оттепели» конца 1950-х гг. и включению советского лидера в американские культурные практики;

в-четвертых, эволюция представлений о ядерной угрозе в американском обществе во второй половине 1950-х–начале 1960-х гг. и формирование антиядерных настроений активизировали роль советского Другого в процессе конструирования наднациональной идентичности;

в-пятых, реакция американцев на возобновление советских ядерных испытаний в 1961 г. оказала непосредственное влияние на эмоциональное восприятие Карибского кризиса, став его своеобразным прологом и расширяя его хронологические рамки;

в-шестых, эмоциональный фон, сформировавшийся в американском обществе после завершения Карибского кризиса, способствовал дальнейшей разрядке советско-американских отношений и в конечном счете окончанию холодной войны в умах и сердцах людей по обе стороны «железного занавеса».

Структура диссертации

Логика построения текста обусловлена объектно-предметным полем, методологией и исследовательскими задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав и заключения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

В первой главе «**Советский Другой в американском внутри- и внешнеполитическом дискурсах в 1950-е гг.**» важнейшие события в истории двусторонних отношений второй половины 1950-х гг., такие как запуск «Спутника-1» в 1957 г., «кухонные дебаты» на Американской выставке в

Сокольников в 1959 г. и последовавший за ними визит Хрущева в США, представлены в сложном эмоциональном контексте, который определял реакции на них американцев и оказывал влияние на переформатирование образа СССР в США, а также динамику советско-американских отношений.

В первом параграфе *«Введение в «эмоциональную инфраструктуру» американского общества»* описаны новые механизмы политической и эмоциональной коммуникации, получившие распространение в США в эпоху радио, телевидения, цветной печати и регулярных социологических опросов и открывавшие для политиков возможность напрямую обращаться к массовой аудитории, воздействуя на её эмоции, представления и политическое поведение. Авторская объяснительная схема опиралась: во-первых, на характеристику процесса превращения телевидения в ключевое политическое медиа по мере движения от первых телевизионных трансляций при Г. Трумэне до целенаправленного создания медийного образа Д. Эйзенхауэра и становления Дж. Кеннеди как «телевизионного президента»; во-вторых, на выявление роли цветной фотографии в журналах “National Geographic” и “Life” в формировании эмоциональных образов Америки и внешнего мира; в-третьих, на изучение деятельности Института Гэллапа, превратившего регулярные социологические опросы в барометр общественных настроений в США; в-четвертых, на анализ писем президентам в качестве канала обратной связи между властью и гражданами, что позволило выявить самостоятельные и эмоционально окрашенные реакции, которые было невозможно обнаружить в ответах на содержавшиеся в анкетах формализованные вопросы. Особое значение придавалось женской переписке как форме политического участия американок. По итогам проведенного в первом параграфе исследования были сделаны выводы о том, что массмедиа, социологические опросы и политические эпистолярные практики заложили основу «эмоциональной инфраструктуры» американского общества, способствовавшей обмену, синхронизации и конструированию групповых эмоций и ставшей важным условием формирования образа СССР в период «холодной оттепели» и последующих кризисов холодной войны.

Во втором параграфе *«Политика Д. Эйзенхауэра в контексте международных и внутривнутриполитических вызовов: ценности, эмоции,*

приоритеты» объектом исследования стала политика администрации Д. Эйзенхауэра в условиях напряжённой международной обстановки и накопившихся внутривнутриполитических проблем США начала 1950-х гг.: войны в Корее (1950-1953), роста антикоммунистических страхов в период маккартизма, коррупционных скандалов в администрации Г. Трумэна, кризиса образования и обострения межрасовых противоречий. Автор продемонстрировал, как усталость от двадцатилетнего нахождения демократов у власти, тревога из-за распространения коммунизма и сформировавшийся в обществе запрос на харизматичное и авторитетное руководство способствовали победе Эйзенхауэра на выборах 1952 г., умело использовавшего новые телевизионные технологии. Авторский анализ был сфокусирован на внешней политике администрации Эйзенхауэра в период его первого президентского срока, сочетавшей доктрину «массированного возмездия», стремление к укреплению союзов и тайные военные операции с ограниченной разрядкой, инициативами «Шанс миру» и «Атомы во имя мира» и планом «открытого неба». Завершение войны в Корее, осуждение Дж. Маккарти за антиамериканскую деятельность и «дух Женевы» были описаны автором, как факторы, оказавшие непосредственное влияние на снижение общественной тревоги и постепенный спад напряженности в советско-американских отношениях. В итоге политика Эйзенхауэра привела не только к формированию образа сильного президента, но также способствовала постепенной трансформации восприятия СССР.

В третьем параграфе *««Эффекта Спутника» и переоценка образа СССР в США»* исследовалось влияние запуска «Спутника-1» на переоценку образа СССР в американском обществе. Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что первоначально сдержанная реакция администрации Д. Эйзенхауэра контрастировала с нараставшей в американской прессе тревогой и критикой со стороны демократов, а советское космическое достижение интерпретировалось в качестве подтверждения технологического и военного превосходства СССР. Это, в свою очередь, ставило под сомнение представления США о научно-технологическом лидерстве и защищённости от ядерной угрозы.

Особое внимание в третьем параграфе уделялось эмоциональному контексту запуска «Спутника-1» (эпидемия азиатского гриппа, расовый кризис в Литл-Роке, замедление темпов экономического роста, сохранявшиеся страхи перед коммунизмом) и было показано, как эти аспекты внутриполитического развития, с одной стороны, усиливали восприятие победы СССР на «спутниковом этапе» космической гонки в качестве «технологического Перл-Харбора», а с другой, обуславливали реакцию правительства, которая выразилась в создании НАСА и принятии Национального акта об образовании в сфере обороны 1958 г., направленного на развитие науки, технического образования и подготовку специалистов. Автор пришел к заключению, что «эффект Спутника» не только стимулировал научно-технологическую мобилизацию США, но и заставил американцев пересмотреть упрощенный образ СССР как бедной и отсталой страны, которая теперь стала восприниматься в качестве сильного, технологически развитого и опасного соперника. Это усложнило эмоциональное отношение к Советскому Союзу в американском обществе и подготовило почву для дальнейшего диалога между двумя ядерными сверхдержавами.

Четвертый параграф *«Американский образ жизни на экспорт: эмоциональный контекст «кухонных дебатов»»* был посвящён Американской национальной выставке в Москве 1959 г. и развернувшимся в ходе ее работы дебатам между Н.С. Хрущёвым и Р. Никсоном как событию культурной, эмоциональной и публичной дипломатии холодной войны. Автор проследил влияние «эффекта Спутника» на усложнение образа СССР. Это способствовало превращению выставки в Сокольниках в демонстрацию модели «американского образа жизни»: потребительское изобилие, частный дом, бытовая техника, семейное благополучие и личная свобода.

В данном контексте особый интерес представляла история зарубежных американских выставок в их взаимосвязи с планом Маршалла, деятельностью Информационного агентства США и участием частного бизнеса в распространении американских ценностей, а также развернувшиеся в американской прессе дебаты о достоверности и доступности выставочного дома «Сплитник» с учетом возможной критической реакции со стороны советских посетителей. Автор продемонстрировал, что телевизионная

трансляция дебатов не только вызвала в американском обществе защитную эмоциональную реакцию, но и обусловила «очеловечивание» образа Хрущёва в США. В письмах советскому лидеру американцы приглашали его в свои дома, доказывали преимущества американской жизни и выражали надежду на продолжение диалога вместо ядерной войны. В этом смысле «кухонные дебаты» способствовали превращению советского Другого из обезличенного врага в возможного собеседника и подготовили почву для визита Хрущёва в США.

В пятом параграфе *«Визит Н.С. Хрущева в эмоциональных репрезентациях американцев»* рассказывается о поездке советского лидера в США 15–27 сентября 1959 г. и эмоциональной реакции американского общества. Охарактеризовав маршрут Хрущева, включавший остановки в Вашингтоне, Нью-Йорке, Лос-Анджелесе, Сан-Франциско, Айове, Питтсбурге и переговоры с Д. Эйзенхауэром в Кэмп-Дэвиде, автор обратился к реконструкции эмоционального дискурса.

Изучение эмоционального фона визита Хрущёва от его первых встреч с американскими журналистами и политиками, которые сопровождались взаимным непониманием и напряжением вокруг фразы «мы вас закопаем», к неформальному общению с сопровождавшими его представителями прессы и жителями небольших городов США, позволили автору представить приезд Хрущева в Айову на ферму Р. Гарста как эмоциональную кульминацию всего американского путешествия советского лидера. Неформальная семейная атмосфера и широко тиражировавшиеся в газетах и журналах фотографии помогли «очеловечить» образ Хрущева и способствовали потеплению в двусторонних отношениях. В свою очередь, адресованные ему письма американцев свидетельствовали о том, что в американском обществе нашлось немало тех, кто начал воспринимать советского лидера как возможного собеседника и гостя, приглашая в свои дома и выражая надежду на взаимопонимание и мир между СССР и США. В целом заокеанский визит Хрущева способствовал его включению в американскую практику политического письмописания и превращению американского образа жизни в символический язык диалога с советским Другим.

Во второй главе «Ядерные страхи во взаимоотношениях США и СССР от 1950-х к 1960-м годам» рассматривалось влияние ядерных испытаний на эмоциональный климат 1950-х гг., который обуславливал реакцию американского общества на события холодной войны в целом, уделялось особое внимание тому, как страх перед радиоактивным загрязнением и возможность ядерной войны трансформировал представления об ответственности государства, способствовал возникновению новых общественных движений и, в конечном счёте, повлиял на видение американцами себя, Советского Союза и будущего всей планеты. Проведенное во второй главе исследование ядерных страхов, получивших распространение в американском обществе в 1950-е гг., позволило автору продемонстрировать политический потенциал групповых эмоций, а также то, как общественные деятели и журналисты одновременно формировали тревожный эмоциональный фон в обществе и использовали страхи американцев для воздействия на политиков США и СССР, конвертируя общественные настроения в политические действия.

В первом параграфе «Влияние ядерного оружия на эмоциональный климат холодной войны в 1950-е гг.» рассказывалось о влиянии ядерных страхов американцев на восприятие СССР, государственную политику и общественные предпочтения. Автора интересовала взаимосвязь между атомными бомбардировками Хиросимы и Нагасаки, советским испытанием атомной бомбы в 1949 г. и последующим созданием термоядерного оружия, с одной стороны, и процессом превращения проблемы ядерной безопасности в источник постоянной тревоги рядовых американцев, с другой. Параллельно рассматривался вопрос об их двойственном восприятии атомного оружия одновременно и как механизма сдерживания коммунизма, и как угрозы существованию самих США.

В центре внимания автора оказались следующие вопросы: ядерные испытания в США и их последствия, споры учёных о воздействии радиации на организм человека и исследования по наличию в молочных зубах детей радиоактивного стронция-90, участие в которых приняли тысячи семей по всей стране, падение доверия к заявлениям Комиссии по атомной энергии США и развернувшееся в администрации Д. Эйзенхауэра противостояние

между сторонниками и противниками продолжения испытаний, роль президентской кампании 1956 г. в популяризации идеи моратория. Проведенное исследование позволило сделать вывод о том, что ядерная угроза стала частью повседневного опыта американцев и способствовала введению в октябре 1958 г. трёхстороннего моратория США, СССР и Великобритании на проведение ядерных испытаний.

Во втором параграфе *«Формирование и деятельность антиядерной оппозиции в США»* изучалось возникновение и развитие в американском обществе оппозиции использованию ядерного оружия, а также характеризовалась роль Нормана Казинса в превращении ядерных страхов в политически значимую силу. Автор реконструировал антиядерную общественную сеть, объединявшую учёных, врачей, журналистов, политиков и активистов, которые не смогли создать единого движения, но разделяли тревогу перед радиоактивным загрязнением и возможной ядерной катастрофой.

Особое внимание в данном контексте уделялось деятельности Казинса как редактора журнала “Saturday Review”, популяризатора идей международного контроля над атомной энергией и посредника между экспертным сообществом, прессой, политиками и рядовыми гражданами. В параграфе было показано, как его статья «Современный человек устарел» 1945 г., поддержка «Бюллетеня учёных-атомщиков», помощь «хиросимским девам» и сотрудничество с учёными помогали распространению антиядерных настроений в США. Автор пришел к заключению, что Казинс способствовал появлению «Манифеста Рассела–Эйнштейна», деятельности Альберта Швейцера, созданию комитета SANE, организации Дартмутских встреч 1960 г. и внес особый вклад в конструирование образа советских людей как возможных партнёров в борьбе за мир.

На основе анализа источников автор продемонстрировал, как возникшая в США «эмоциональная инфраструктура» объединяла американских и зарубежных акторов вокруг общечеловеческих ценностей, стимулируя развитие неофициального советско-американского диалога и антиядерной политики начала 1960-х гг.

В третьем параграфе *«Мобилизация американского общества в условиях биполярного противостояния начала 1960-х гг.»* были охарактеризованы президентская кампания 1960 г., политика Дж. Кеннеди и процесс использования представлений о советской угрозе для мобилизации американского общества. Автор уделил особое внимание характеристике первых телевизионных дебатов Кеннеди и Никсона, которые продемонстрировали возросшую роль визуального образа в политической коммуникации, а также рассмотрел миф о «ракетном разрыве» с СССР, интегрированный президентом в общественно-политический дискурс для критики республиканской администрации и обоснования необходимости вернуть США научно-техническое и военное лидерство.

Согласно авторской объяснительной схеме политика «Новых рубежей» в том, что касалось перехода к стратегии «гибкого реагирования», развития космической программы, создания Корпуса мира и кампании по физической подготовке населения, перевела соперничество с СССР в сферу повседневного личного опыта американцев, соединяя страх технологического отставания с надеждой на национальное обновление. Страхи и тревоги американского общества получили дополнительный импульс в период Берлинского кризиса 1961 г., когда танки двух ядерных сверхдержав оказались друг против друга в центре Европы.

Параллельно автор продемонстрировал, как призывы Кеннеди к строительству бомбоубежищ и развитие программы гражданской обороны актуализировали в американском обществе страх советской угрозы и вызвали напряженную дискуссию о допустимости ядерной эскалации.

Четвертый параграф *«Реакция в США на возобновление советских ядерных испытаний»* посвящён возобновлению советских ядерных испытаний осенью 1961 г. и нарастанию ядерных страхов в стране. Для автора было важно подчеркнуть, что прекращение моратория на испытание ядерного оружия, Берлинский кризис, призывы Дж. Кеннеди к развитию гражданской обороны и дискуссии о бомбоубежищах усилили в американском обществе ощущение уязвимости перед ядерной войной. Это привело к возникновению глобального экологического сознания, поскольку радиоактивные осадки начали

восприниматься в качестве угрозы всем людям вне зависимости от национальности и государственной принадлежности.

Проведенный автором анализ публикаций в журнале “Life”, газете “New York Times” и других изданиях позволил охарактеризовать эмоциональный климат, царивший в американском обществе, с присущими ему чувствами тревоги, апатии и фатализма и сделать вывод о том, что обсуждение личных бомбоубежищ поставило перед американцами экзистенциальные и морально-этические вопросы о выживании, пределах насилия и ответственности перед соседями. В свою очередь, советское испытание «Царь-бомбы» и ответное решение США возобновить ядерные испытания в 1962 г., интегрировали в ядерный дискурс рассуждения о «безответственных» советских и «осмотрительных» американских взрывах.

Изучение массива писем Хрущёву, в которых американцы выражали гнев и страх, но также обращались к нему как к отцу и деду, призывая защитить детей всего мира, привело автора к заключению о том, что ядерные страхи способствовали формированию наднациональной идентичности и политической мобилизации американского общества, а также, по мнению американцев, связывали возобновление советских ядерных испытаний 1961 г. и Карибский кризис 1962 г. в единую цепь событий.

В третьей главе **«Эмоциональное измерение Карибского кризиса и его последствий в США»** исследовался эмоциональный климат в Соединенных Штатах накануне, во время и после Карибского кризиса, когда столкновение с ядерной угрозой в непосредственной близости от американских границ актуализировало сформированные в предыдущий период эмоции и образы и стало катализатором процессов конструирования новых национальных и наднациональных идентичностей, что приводило к переосмыслению образов советского Другого и американского Себя.

Первый параграф *«Кубинский вопрос в советско-американских отношениях»* был нацелен на изучение процесса формирования кубинского направления внешней политики США и характеристику эмоционального общественного фона в преддверии Карибского кризиса, для чего рассматривались: эволюция американских представлений о Кубе; ухудшение отношений между Вашингтоном и Гаваной и одновременное сближение Кубы

с СССР после провала операции в заливе Свиней в апреле 1961 г., который стал серьёзным внешнеполитическим и имиджевым поражением администрации Дж. Кеннеди.

В параграфе было продемонстрировано, что советская поддержка Кубы воспринималась в США как нарушение сложившихся сфер влияния и прямая угроза национальной безопасности из-за географической близости острова к штату Флорида. Особое внимание уделялось анализу президентского дискурса с характерными для него концептами советской угрозы и ядерного страха, который тиражировался посредством телевидения и имел важное значение для нагнетания эмоциональной напряженности в США. Операция «Анадырь», в рамках которой СССР тайно разместил на Кубе ракеты средней дальности, действия американской разведки и администрации Кеннеди после обнаружения советских ракетных позиций в октябре 1962 г., телевизионное обращение президента США 22 октября, объявившее карантин Кубы и представившее СССР как источник ядерной угрозы и намеренного обмана событийно маркировали повествование о том, как Карибский кризис стал кульминацией накопленных в американском обществе ядерных страхов, что спровоцировало массовые обращения граждан США к Кеннеди, Хрущёву и Генеральному секретарю ООН У Тану.

Второй параграф *«Реакция американского общества на Карибский кризис»* посвящён изучению эмоциональных репрезентаций американцев в ответ на Карибский кризис через рассмотрение взаимодействия политической власти, прессы и общества. На основе модели четырёхступенчатого потока политической информации рассматривалось то, как Дж. Кеннеди пытался сохранить секретность перед президентским обращением к нации 22 октября 1962 г., используя личные связи с журналистами для временного ограничения публикаций о советских ракетах на Кубе. В итоге после телеобращения Кеннеди американская пресса в целом поддержала карантин острова и действия администрации, продемонстрировав консолидацию перед угрозой ядерной войны.

В параграфе уделялось особое внимание характеристике массовых эмоциональных реакций: панике, обращениям в службы гражданской обороны, поиску бомбоубежищ, бегству части населения из крупных городов,

а также апатии и фатализму. Объектом авторского анализа стали письма президенту и в редакции газет, отражавшие как поддержку решительных действий против СССР, так и критику политики США и опасения эскалации. По мнению автора, Карибский кризис актуализировал прежние ядерные страхи, превратил их в политическое действие и одновременно выявил противоречие между национальной солидарностью, стремлением понять позицию советских граждан и необходимостью сохранять границу между американским С собой и советским Другим.

Третий параграф *«Эмоциональный дискурс в письмах американцев Н.С. Хрущёву»* посвящён анализу эпистолярных практик американцев с целью изучения их непосредственных эмоциональных реакций на Карибский кризис. Автора интересовал процесс конвертации тревоги, гнева и надежды в политическое действие – обращение к советскому лидеру. При этом особое внимание уделялось характеристике различных моделей самоидентификации авторов писем: одни – полностью поддерживали политику США и противопоставляли свободу коммунизму, другие критиковали блокаду Кубы, извинялись перед Хрущёвым и ставили мир и безопасность семьи и всего человечества выше идеологических противоречий.

Для автора было важно продемонстрировать, что часть американцев одновременно ощущала себя гражданами США и «гражданами мира», распространяя страх перед ядерной войной на советских людей и ощущение общей уязвимости человечества. В этом смысле особый интерес представляли письма женщин, которые апеллировали к образам Хрущёва как отца и деда, а Нины Хрущёвой как жены и матери и использовали заботу о детях для обоснования своего политического высказывания.

Проведенное исследование позволило автору сделать вывод о том, что кризис способствовал формированию глобальной идентичности, позволившей американцам воспринимать СССР не только как врага, но и как сообщество людей, заинтересованных в предотвращении ядерной катастрофы.

В четвёртом параграфе *«От идеологического противостояния к универсальным ценностям: эмоциональные последствия Карибского кризиса»* характеризовалось завершение Карибского кризиса, последовавшие затем разрядка эмоциональной напряженности и изменение отношения американцев

к Н.С. Хрущёву и советскому Другому в целом. Исторический нарратив параграфа выстраивался вокруг решения советского лидера вывести ракеты с Кубы, ответных гарантий США о ненападении на остров, секретной договорённости о выводе американских ракет из Турции, окончательного прекращения карантина Кубы 20 ноября 1962 г., установления прямой линии Москва–Вашингтон, речи Дж. Кеннеди в Американском университете и подписания Договора о запрещении ядерных испытаний в атмосфере, космосе и под водой в 1963 г.

Объектом авторского анализа стал корпус писем американцев Хрущёву, в которых выражалось облегчение, благодарность и признание его роли в предотвращении ядерной войны. Эти письма свидетельствовали о том, что советский лидер был включен в повседневные практики американского письмописания, поскольку авторы поздравляли его с праздниками, советскими космическими достижениями, рассказывали о семейной жизни, личных горестях и радостях, а также благодарили Хрущёва и его жену за выражение соболезнований американскому народу после убийства Дж. Кеннеди.

По мнению автора, пережитый опыт Карибского кризиса способствовал укреплению наднациональной идентичности, эмоциональному «очеловечиванию» советского Другого и готовности части американского общества поддерживать дальнейшую разрядку.

В заключении представлены основные **выводы** диссертационного исследования.

Во-первых, запуск «Спутника-1» стал поворотным моментом в американском восприятии советского Другого и американского Себя. Он продемонстрировал американцам, что СССР способен не только на военный, но и на технологический рывок, заставил сомневаться в своём научно-техническом превосходстве, разрушил представление о географической защищённости США и усилил тревоги по поводу возможного ракетно-ядерного удара по американской территории.

Во-вторых, Американская национальная выставка в Сокольниках стала площадкой, на которой «американский образ жизни» как ключевой элемент американской идентичности был впервые предъявлен советской аудитории в

концентрированном и визуально продуманном виде. Демонстрационный дом и кухня превратили взаимосвязанную культуру потребления, бытового комфорта и нуклеарной семьи в наглядную модель американского образа жизни и одновременно вызвали в самих США дискуссии о его доступности для «рядового рабочего» и ценностном наполнении.

В-третьих, исследование материалов прессы и писем американцев показало, что «кухонные дебаты» Н.С. Хрущёва и Р. Никсона превратили спор о бытовой технике и ценах на дом в публичное обсуждение системного превосходства капитализма и социализма, уровня свободы и понимания «нормальной повседневности». Телевизионная трансляция сделала советского лидера узнаваемым, а его образ эмоционально «заряженным», запустив процесс его «очеловечивания» в глазах американцев. Хрущев перестал быть абстрактным врагом и превратился в человека, с которым можно спорить, которого можно осуждать или поддерживать и к которому можно обращаться с письмами и приглашениями.

Последовавший за «кухонными дебатами» визит советского лидера в США в 1959 г. перенёс этот воображаемый диалог в реальное пространство американских городов, ферм и предприятий и посредством телевидения и прессы в гостиные американцев. Образ Хрущёва-отца и деда, путешествовавшего по США со своей семьёй, позволил американцам (хотя, безусловно, далеко не всем) включить его в свою эмоциональную группу и обращаться к нему не только как к главе враждебного государства, но и как к человеку, разделявшему семейные ценности. Письма американцев Хрущеву, содержавшие приглашения к себе домой на барбекю или в офисы, свидетельствовали о том, что практики письмописания, ранее использовавшиеся для общения с американскими политиками, начали распространяться и на советского лидера, превращаясь в важнейший инструмент для формирования наднациональной идентичности в условиях биполярного противостояния.

В-четвертых, диссертационное исследование демонстрирует, как представления об американском образе жизни, восприятие советского Другого и ядерные страхи, взаимно переплетаясь, формировали сложный эмоциональный климат эпохи холодной войны. Визуализация американского

образа жизни и его наглядная демонстрация советскому лидеру и советским людям создали язык, на котором американцы могли говорить о себе и об СССР. В свою очередь, гонка ядерных вооружений придала этому языку новое содержание, связанное с общей уязвимостью и ответственностью перед будущими поколениями. Письма американцев Хрущёву позволяют увидеть то, как благодаря этому языку переопределялись границы нации, человечества и эмоциональных групп в годы холодной войны.

В-пятых, благодаря появлению новых медиа и, прежде всего телевидения, в американском обществе формировался более человечный и понятный образ советского лидера, как человека эмоционального, экспрессивного, готового импровизировать, шутить, вступать в прямой спор и без подготовки общаться с «простыми людьми». Это сделало возможным процесс объединения себя не только с «Ником», которого американские граждане видели на кухне, на ферме Гарста или в окружении семьи, но и через него с советскими людьми в целом, чья уязвимость перед ядерной угрозой и забота о детях воспринимались как сходные с их собственными. В итоге Хрущёв стал своеобразным медиатором между двумя обществами. Его публичный образ расширял представления о людях, живущих по другую сторону «железного занавеса», которые подобно американцам разделяли базовые ценности семьи, мира и выживания в Атомном веке.

В-шестых, анализ восприятия американским обществом ядерных испытаний в конце 1950-х–начале 1960-х гг. продемонстрировал, что атомное вооружение стало не только инструментом стратегического сдерживания и символом сверхдержавного статуса, но и источником глубокого экзистенциального страха и постоянной тревоги. Испытания на атолле Бикини и в Неваде, радиоактивные осадки, стронций-90 в молочных зубах детей, информационные фильмы и брошюры о радиации, произведения популярной культуры о ядерном апокалипсисе трансформировали представления американцев о сфере ответственности государства, науки и граждан за последствия ядерной гонки и сделали ядерную угрозу частью их повседневного опыта.

На этом фоне возобновление СССР воздушных и наземных ядерных испытаний в 1961 г. воспринималось американцами как ядерный кризис,

который предшествовал Карибскому, или по крайней мере был его прологом. Письма американцев, содержавшие цитаты прежних миролюбивых заявлений Хрущёва, апелляция к интересам человечества и будущему детей свидетельствуют о том, что это событие воспринималось как выход за рамки обычной гонки вооружений и как угроза существованию людей по всему миру. С точки зрения изучения эмоций включение американцами этого эпизода в пролог Карибского кризиса представляется вполне оправданным и акцентирует внимание на том, что холодная война была сконструированной реальностью, сотканной из взаимных заблуждений и недопониманий, эмоций и ценностей, образов и мифов.

В-седьмых, реакция американского общества на Карибский кризис обуславливалась уже сформировавшимся на рубеже 1950-х–1960-х гг. репертуаром ядерных страхов. Анализ писем, адресованных Кеннеди и Хрущёву, в которых содержались просьбы предотвратить ядерную войну, подтверждает мысль о том, что кризис 1962 г. воспринимался как кульминация событий, запущенных после одностороннего отказа СССР от моратория на ядерные испытания в 1961 г. Для авторов писем оба события становились звеньями одной эмоциональной цепи, усиливавшей чувство общей уязвимости.

После мирного разрешения Карибского кризиса письма не прекратились. Однако их эмоциональный фон эволюционировал от страха и тревог к надеждам. Авторы всё чаще писали о возможном окончании холодной войны, о необходимости полного прекращения ядерных испытаний и более глубокой разрядке. В этих текстах намечаются контуры наднациональной, общечеловеческой идентичности: наряду с принадлежностью к Соединённым Штатам всё чаще обозначается принадлежность ко всему «человечеству» и забота о судьбах всех людей, в том числе и советских граждан.

В-восьмых, эпистолярные источники свидетельствуют о роли концепта детства во вселенском антиядерном дискурсе. Страх за здоровье и жизнь детей, за возможное повреждение ДНК и рождение «поколений мутантов» позволяет авторам писем выйти за рамки узконациональной оптики и включать в свою эмоциональную группу советских людей. Через обращение к Хрущёву как отцу и деду американцы пытаются распространить собственный

страх за детей на него и тем самым побудить к действиям в интересах обоих народов.

Анализ писем американцев, отправленных Хрущеву и Кеннеди, а также в редакции газет и журналов демонстрирует, как в условиях Карибского кризиса и ядерной эпохи конструировались и актуализировались различные эмоциональные идентичности. В письмах с моноидентичностью авторы выступали с позиции американцев, распространяли свои эмоции и ценности на сограждан и формировали положительное или отрицательное отношение к СССР в зависимости от степени идентификации со своим собственным национальным сообществом. В письмах с мультиидентичностями авторы позиционировали себя одновременно и как американцы, и как «граждане мира», совмещая поддержку собственной страны с желанием мира и благополучия для всего человечества. В обоих случаях центральными оставались базовые ценности: семья, мир, страна. Однако новая мультиидентичность позволяла авторам писем распространить эти ценности и на советских людей как членов семьи народов всей Земли.

Письма простых американских граждан лидерам СССР и США демонстрируют, как в начале 1960-х гг. ядерная угроза перестаёт восприниматься исключительно в категориях национальной безопасности и всё чаще осмысливается в глобальных терминах. Формулы «во имя человечества», обращения одновременно к Кеннеди и Хрущёву, почти полное отсутствие упоминаний Кубы при одновременном включении советских граждан в «семью народов» показывают, как через страх перед ядерной войной и заботу о будущем детей намечаются контуры новой воображаемой общности «граждан планеты».

Наконец, усложнение образа Советского Союза и формирование наднациональной идентичности подготовили психологический климат для разрядки международной напряженности. Страх перед ядерной войной стал основой для ограничения гонки ядерных вооружений. На протяжении 1960-х –1980-х гг. продолжала активно развиваться гражданская дипломатия и антиядерные движения в разных странах. Исследование этих процессов сквозь призму теории эмоций и источников личного происхождения будет

способствовать пониманию того, как холодная война завершалась в умах и сердцах людей по обе стороны Атлантики.

АПРОБАЦИЯ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ

Апробация основных положений диссертации осуществлялась на всероссийских и международных научных конференциях, на заседаниях кафедры американских исследований факультета международных отношений Института международных отношений и политических наук РГГУ, а также в результатах работ по проекту Минобрнауки РФ №075-15-2024-537.

СПИСОК ПУБЛИКАЦИЙ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Основные результаты, положения и выводы диссертации опубликованы в следующих работах автора общим объемом 5,57 п.л.

Статьи, опубликованные в рецензируемых научных изданиях, рекомендованных в ВАК РФ по специальности:

1. Аванская В.А. Методология изучения эмоций в международных отношениях // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2018. № 3 (13). С. 43–60.
2. Аванская В.А. История холодной войны как история эмоций: на примере гонки ядерных вооружений // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. № 4. С. 10–22.
3. Аванская В.А. Карибский кризис в эмоциональных репрезентациях американцев (на примере писем американских граждан Н.С. Хрущёву) // Россия и современный мир. 2023. № 2 (119). С. 41–52.
4. Аванская В.А. Страхи и надежды ядерного века: возобновление ядерных испытаний в СССР как фактор формирования новых идентичностей у американцев // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 10 (144). URL: <https://history.jes.su/s207987840032960-5-1/> (дата обращения: 01.12.2024).

5. Аванская В.А. Образ Кубы в письмах американских граждан Н.С. Хрущёву во время Карибского кризиса // Латиноамериканский исторический альманах. 2024. № 44. С. 77–94.
6. Аванская В.А. Женское письмописание в США как инструмент стабилизации советско-американских отношений в годы холодной войны // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2024. Т. 15. Вып. 11 (145). URL: <https://history.jes.su/s207987840033360-5-1/>
7. Аванская В.А. «Американский дом вступает в Холодную войну»: эмоциональная реакция американцев на «кухонные дебаты» // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2025. Т. 16. Вып. 9 (155). URL: <https://history.jes.su/s207987840036766-1-1/>

Статьи, опубликованные в прочих рецензируемых научных изданиях:

1. Fainberg D., Avanskaya V. ‘Russians love their children too’: American women’s letters to Nikita Khrushchev and Nina Khrushcheva during the Cuban Missile Crisis // Cold War History. 2026. P. 1–18. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/14682745.2025.2531120>